

У Чжоу Маня было много дел. Первым делом он собрал излишки зубной пасты, соли и прочего скарба, уложил их в короб и, позвав с собой Ин Фэйчи, снова вышел со двора.

Ин Фэйчи смотрел на наполовину заполненную корзину и на то, как лямки глубоко врезаются в плечи юноши. В сердце шевельнулось незнакомое чувство — тоскливое и горькое. На самом деле это была обычная жалость, но Ин Фэйчи пока не умел давать ей имя. Поколебавшись, он шевельнул пальцами, сплетая печать и окутывая короб облаком духовной энергии.

Чжоу Мань почувствовал, как ноша за спиной внезапно стала невесомой. Первая мысль была тревожной — неужели дно провалилось? Вторая — он тут же обернулся к Ин Фэйчи.

— Это Заклятие Перемещения, — прошептал тот. — Подумал, что ты устанешь.

«Вот оно что». Чжоу Мань благодарно улыбнулся:

— Не трать силы попусту.

— Я уже на стадии Возведения Основания, для меня это пустяки, — ответил Ин Фэйчи. — Иди дальше.

Чжоу Маню оставалось только прибавить шагу, а следом за ним, весело подпрыгивая, бежал ребенок. Они обошли несколько наиболее зажиточных домов в деревне. Соль и зубную пасту удалось выменять на тридцать килограммов риса, восемь литров чайного масла и горшочек свиного жира. В деревне Гуаньцзян в основном употребляли чайное масло, и по дороге Чжоу Мань учил Ин Фэйчи местному диалекту.

Тот слушал, понимая через слово, но видел главное: Чжоу Мань умел ладить с людьми. Ин Фэйчи был невероятно чувствителен к чужой злобе. Он кожей ощущал, что многие недолголюбивают Чжоу Маня. Он ловил их косые взгляды — этот прищур был ему до боли знаком. Так смотрят на должника или на обузу, когда правила приличия вынуждают соблюдать внешнюю вежливость. В школе Ланфэн на него смотрели точно так же, только куда более бесстыдно.

Когда они вышли из очередного дома, выменяв масло, Ин Фэйчи тихо спросил:

— Они же тебя не любят. Смотрят так настороженно, будто боятся, что ты придешь к ним кланчить еду и воду. Зачем ты с ними так вежлив?

Да еще и улыбается всем подряд. Будь воля Ин Фэйчи, он бы и слова доброго не сказал тем, кто к нему не расположен.

— Нет смысла лезть на рожон, — с улыбкой ответил Чжоу Мань. — Большинство жителей деревни относятся ко мне хорошо, к тому же мы все здесь в какой-то степени родственники.

Мне-то всё равно, но другие — наши соседи, не стоит ставить их в неловкое положение.

— А почему тогда утром ты с тем человеком не церемонился? — не унимался Ин Фэйчи.

Он хоть и не понимал слов, но видел: Чжоу Мань и побил его, и позорил на всю деревню, и угрожал. Какая уж тут вежливость?

— Это совсем другое, — пояснил Чжоу Мань. — С наглцом нужно быть еще свирепее, чтобы он тебя до смерти боялся. С теми, кто наполовину добр, наполовину плох, но боится открытого конфликта, нужно быть вежливым — тогда они тоже будут соблюдать видимость мира. А с коварными типами нужно быть еще коварнее. На каждую их ловушку нужно готовить свою, чтобы в итоге они сами в ней и запутались. Словом, к каждому нужен свой подход, и бить нужно всегда по самому больному.

— Понятно, — кивнул Ин Фэйчи.

Они уже закончили обмен и возвращались домой. Дорогу с обеих сторон обступали высокие кедры; густая тень дарила прохладу, в лесу перекликались птицы. Тишина была такой глубокой, что невольно хотелось расслабиться.

Ин Фэйчи вдруг спросил:

— Если кто-то... после смерти общего близкого человека... Если ты считаешь его единственным родным, а он тебя опасается и хочет... ну, сплавить другим родственникам. Что тогда делать?

Чжоу Мань взглянул на мальчика. Тот шел, низко опустив голову, так что лица было не разглядеть — только пучок волос на макушке. Чжоу Мань понимал: ребенок говорит о себе. Вспомнив его прежние рассказы о школе, он всё окончательно сопоставил.

— Судя по твоим словам, этот человек очень дорожит своей репутацией, — рассудил Чжоу Мань. — Он меня боится, но мучить открыто не решается. Вместо этого отправляет к другим родственникам — скорее всего, бедным и жалким. Прикрывается тем, что, мол, слишком занят делами и не справляется с моим воспитанием. А когда другие начнут меня задирать, он сделает вид, что разочарован моим поведением, и сурово накажет «ради моего же блага».

С каждым словом Ин Фэйчи кивал всё активнее. Когда Чжоу Мань закончил, он не удержался:

— Да! Всё именно так и было! Гм!

Сказал и тут же прикусил язык. Какие еще «был один человек»? Чжоу Мань такой умный, он же сразу догадается, что речь о нем самом.

Ин Фэйчи стало нестерпимо стыдно. Рассказывать о своем ничтожном прошлом тому, перед кем так хотелось казаться выдающимся — это чувство было сродни желанию провалиться сквозь землю. Это была не та обида, которую наносили соученики, а нечто иное. В голове крутилась лишь одна мысль: «Я такой бесполезный, он наверняка теперь меня презирает!»

Но Чжоу Мань, как ни в чем не бывало, продолжал шагать с коробом за спиной:

— Против таких людей лучшее оружие — их же репутация. У того покойного старшего наверняка осталось много старых друзей? В дом ведь часто приходят гости? Вот в такие моменты и нужно провоцировать остальных, чтобы они начали задирать меня привычными способами. А я закачу скандал погромче. Пусть гости узнают, что меня не просто втихомолку спланировали с рук, но еще и травят. Даже если гости не заступятся, слухи всё равно поползут. Старые друзья покойного придут восстанавливать справедливость. В худшем случае это станет для того «родственника» звонкой пощечиной. В общем, нужно прижать его так, чтобы ради доброго имени ему пришлось содержать меня в полном довольстве.

Ин Фэйчи вспомнил, как раньше только и делал, что нарывался на грубость или пытался идти напролом против Цинсюнь-цзы, получая в ответ лишь всё более суровые наказания. Слова Чжоу Маня стали для него откровением. Он подумал: если бы тогда, когда наставника навещали старые друзья-даосы, он не буянил, а встретился с ними и рассказал, как его передали Старейшине Чудесных Методов и лишили духовных корней... возможно, всё сложилось бы иначе.

— Почему я не такой умный, как ты? — пробормотал Ин Фэйчи. — Почему я не встретил тебя раньше? Если бы мы росли вместе, было бы так здорово.

«И сейчас не поздно», — подумал Чжоу Мань. Перед ним был всё еще ребенок. Если начать учить его сейчас... для практикующих десятилетия пролетают как миг. Если передать ему мудрость двух прожитых жизней, Ин Фэйчи больше никогда не даст себя в обиду.

— Впрочем, если бы Цинсюнь-цзы не подставил меня, я бы тебя и не встретил. Видимо, он всё-таки совершил хоть одно доброе дело, — Ин Фэйчи вдруг улыбнулся и прошептал сам себе: — Ну как ты можешь быть таким потрясающим?

— Видал я всякое, вот и знаю, — Чжоу Мань придержал его за плечо. — Пришли уже. Ты куда нацелился?

Услышав это «видал всякое», Ин Фэйчи почувствовал укол боли в груди. По правде говоря, положение Чжоу Маня было куда хуже. Ин Фэйчи в детстве хотя бы наставник оберегал, а Чжоу Мань с малых лет вынужден был ловить чужие взгляды, выгрызая свое будущее за каждую миску риса и каждый грош. Как бы тяжело ни приходилось в школе Ланфэн, Цинсюнь-цзы всё равно требовался предлог или несчастный случай, чтобы избавиться от него. Сколько же осторожности и терпения потребовалось Чжоу Маню, чтобы просто вырасти? И при этом он не озлобился, не стал заносчивым, остался рассудительным и добрым. К хорошим — с добром, к плохим — по заслугам. Не слабый, но и не тиран. Какая редкость!

«Чжоу Мань, не бойся, я никогда не стану плести против тебя интриг и тебе не придется тратить на меня свое красноречие», — подумал Ин Фэйчи. — «Я буду относиться к тебе очень, очень хорошо».

Но вот как именно «хорошо» — это был вопрос. Ин Фэйчи здраво оценивал свои способности и старался помогать во всем. Готовить еду он не мог — спички в его руках постоянно ломались, а если не ломались, то с них просто осыпалась сера. Сам он обладал духовным корнем Воды и не мог практиковать магию Огня, так что разжигать очаг всё равно приходилось Чжоу Маню. Кроме варки риса, талантов к кулинарии у Ин Фэйчи не обнаружилось. Те лесные клубни, что остались в доме, нужно было нарезать для супа, но Ин Фэйчи боялся прикоснуться к соли — то пересолит, то недосолит. А в хозяйстве Чжоу Маня ни грамм риса, ни капля масла не должны были пропасть зря. Ин Фэйчи так дорожил этим добром, что просто не решался подходить к плите.

— Чжоу Мань, что же мне для тебя сделать? — сокрушенно вздохнул он, сидя на корточках у очага и следя за огнем.

— А что ты еще хочешь делать? — отозвался Чжоу Мань, нарезаая бамбук.

Вчера они набрали побегов «желтого бамбука». В этих краях они обычно толщиной с женское запястье, а самые крупные — с добрую чашу. В лесу с них снимают шелуху и счищают грубую кожицу, а дома превращают в «суньгань» — сушеный бамбук — или в «суньсуань» — маринованный.

Тут важно понимать разницу. Суньсуань — это свежий бамбук, который нарезают и замачивают в воде; перед едой его нужно варить. А «суаньсунь» — это то, что добавляют в лапшу; его готовят особым образом, режут и едят сразу.

Чжоу Мань сейчас резал побеги именно для суньсуань. Тут не требовалось секретных рецептов: просто нарезать и залить чистой водой. Нельзя добавлять ничего лишнего. Если на руках останется хоть капля жира или в воде окажутся примеси — например, водопроводная вода из будущего точно бы не подошла — бамбук мгновенно сгниет. Только чистейшие руки и родниковая вода могли дать идеальный вкус.

— Ты следишь за огнем, варишь рис. В лесу помогаешь собирать хворост, когда я срезаю бамбук — носишь его. Когда я несу тяжести — поддерживаешь короб магией. Еще ты подметаешь пол, носишь воду, стелешь постель... Для твоего возраста ты делаешь более чем достаточно.

— Для моего возраста? — Ин Фэйчи вздохнул, слушая мерный стук ножа. — Чжоу Мань, мне шестнадцать, тебе семнадцать. С чего ты взял, что я «маленький»?

«Мне был сорок один год, когда я умер. Ты мне в сыновья годишься, как тут не считать тебя маленьким?» — подумал Чжоу Мань, но промолчал, оставив это при себе.

Ин Фэйчи принялся вспоминать, как всё было устроено в школе Ланфэн. Как там справлялись с уборкой, водой и стиркой? Кажется... там были талисманы? Повсюду висели талисманы.

— Чжоу Мань, у нас есть какой-нибудь маленький нож? — спросил Ин Фэйчи на следующее утро.

Вспомнив об отобранном ноже из коровьего рога, Чжоу Мань протянул его мальчику и сказал:

— Сегодня за бамбуком не пойдем. Нужно переработать то, что принесли вчера, будем делать сушеные побеги.

Это было как раз то, что нужно Ин Фэйчи.

<http://bllate.org/book/17459/1693575>